

Евгений Евтушенко
Енатера

18+

Евгений Евтушенко

Енатера

<https://litres.ru/74263978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они родились по разные стороны ненависти. Их разделяли века войны. Но любовь, способная пробудить мёртвый мир, не спрашивает разрешения.

Семьсот лет назад сад Этелариума закрылся, погребая под собой надежду на мир между людьми и эльфами. Скверна ползёт по земле. Время пришло снова.

Ен — наследник трона, привыкший держать меч и скрывать боль. Ему приказано поймать эльфийскую жрицу — хранительницу запретного леса. Тера — последняя из хранителей. Она доверяет только деревьям и звёздам.

Их встреча пробуждает древнюю магию — их души связаны ещё до рождения. Но враг не только снаружи. Самые близкие готовы предать.

Им предстоит пройти через три испытания и заплатить цену, которую не платил ни один смертный. Если они не станут единым целым — мир поглотит тьма.

«Енатера» — эпическое фэнтези о любви, сильнее древних проклятий. Для тех, кто верит, что даже в самые тёмные времена цветок надежды способен распуститься.

Содержание

Пролог. Легенда о последнем цветке.	4
Глава 1. Приказ.	12
Глава 2. Та, что ускользает.	21
Глава 3. Оковы и молчание.	30
Глава 4. Услышанное в тени.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Евтушенко

Енатера

Пролог. Легенда о последнем цветке.

Задолго до того, как первый камень лёг в основание замка Аграсс.

Задолго до того, как люди научились ковать сталь, способную пробить эльфийский шёлк.

Когда мир был юн, а границы между королевствами — прозрачны, как утренний туман над озёрами.

Сад Этелариума цвёл.

Он раскинулся в самом сердце континента, там, где сходились земли людей, эльфов и существ, чьи имена стёрты даже из памяти камней. Никто не знал, кто посадил первый росток. Одни говорили — боги, спустившиеся с небес отдохнуть от трудов творения. Другие — сама земля, уставшая быть бесплодной. Но правда была проще и сложнее одновременно: сад был любовью.

Любовью эльфийской принцессы Мариэль и человеческого воина по имени Орбан.

Их история почти забыта. В хрониках пишут, что они

встретились случайно: он — заблудившийся в лесу охотник, она — смеющаяся над его неловкостью дева с острыми ушами. Но старые эльфийские песни, те, что ещё поют шёпотом в глухих деревнях, помнят иначе.

Они говорят: миры столкнулись не случайно.

Они говорят: души узнали друг друга сквозь века.

И когда Орбан впервые коснулся руки Мариэль, из земли под их ногами пробился первый цветок — с лепестками цвета рассвета и сердцевинкой, горящей золотом.

Они называли его «Енатера».

На древнем наречии это означало «то, что растёт из единства».

Сад разрастался десятилетиями. Каждое дерево здесь посадили эльф и человек вместе. Каждый ручей начинался там, где смешивались слеза одного и капля пота другого. Магия сада была живой, дышащей — она не делила на расы, не спрашивала о происхождении. Она просто цвела.

В те времена на континенте царил хрупкий мир. Люди и эльфы торговали, обменивались знаниями, заключали браки. Полукровки не были редкостью, и никто не плевал им вслед. Старый король Альдор держал при дворе эльфийского советника и говорил: «Покуда цветёт сад — цветём и мы».

Но мир — как тонкий лёд на осенней реке. Достаточно одного неверного шага.

В тот год скверна пришла впервые.

Никто не знал, откуда она взялась. Одни мудрецы гово-

рили — из глубин земли, куда не дотягиваются корни даже самых старых деревьев. Другие — что люди сами породили её своей жадностью, выкопав из чёрных шахт нечто, что должно было спать вечно. Третьи шептали о проклятии богов, разгневанных дерзостью смертных.

Как бы то ни было, скверна пришла.

Сначала почернели листья на восточных границах сада. Потом заболели звери — у них мутнели глаза, и они уходили в чащу, чтобы никогда не вернуться. А затем заболели люди.

Первым был мальчик из деревни у Железного холма. Он проснулся утром, посмотрел на мать пустыми глазами и сказал:

— Меня зовут.

— Кто зовёт тебя, сынок? — заплакала мать.

— Глубина.

И пошёл на восток, не оборачиваясь.

За ним ушли ещё трое. Потом десять. Потом — сотни.

Король Альдор собрал совет. Эльфийский владыка Элендиль, отец Мариэль, стоял по правую руку от трона — впервые за много лет не как гость, а как равный. Лицо его было бледным.

— Это древняя тьма, — сказал он, и голос звенел от напряжения. — Она старше нас, старше этого мира. Мы не можем её уничтожить. Но можем усыпить. Сад способен на это. Если...

Он замолчал. В тишине было слышно, как падает сухой

лист с дерева у трона.

— Если что? — спросил Альдор.

— Если двое, связанные истинной любовью — человек и эльф, — проведут в сердце сада ритуал единения. Отдадут часть своей силы. Солят кровь и дух воедино. Тогда сад расцветёт с новой силой, и тьма отступит на тысячи лет.

— Так пусть Мариэль и Орбан сделают это! — воскликнул кто-то из советников.

Но Элендиль покачал головой, и в его глазах стояла такая боль, что факелы, казалось, притихли.

— Они не смогут. Орбан... мёртв.

Вот как это случилось.

За месяц до того в замке людей случился переворот. Младший брат короля, принц Бейрд, решил, что ждал достаточно. Его люди ворвались в покои Орбана — тот собирался в сад, где ждала Мариэль. Орбан был воином, но один против двадцати — даже лучший меч не выстоит.

Когда весть дошла до сада, Мариэль не закричала. Она упала на колени и коснулась ладонью земли. Там, где её пальцы вдавились в траву, цветы начали чернеть.

Сад почувствовал её боль. И начал умирать.

Элендиль пытался спасти дочь. Уговорить — есть другие люди, другие эльфы, можно найти другую пару, провести ритуал с кем-то, чьё сердце открыто. Но Мариэль качала головой.

— Я не смогу, отец. Он был моим невозможным цветком.

Без него сад не будет цвести. Никогда.

Той же ночью она ушла в сад. И больше её никто не видел.

Старые песни говорят, что она и сейчас там — бродит призрачной тенью среди мёртвых деревьев, ждёт, когда любовь, равная её собственной, вернётся в мир.

Сад закрылся.

Не в один миг. Деревья умирали постепенно, словно старики, роняя сухие листья на каменеющую землю. Последний цветок Енатеры сорвал Элендиль. Он положил его в серебряную шкатулку и спрятал в Заповедном лесу, сказав на прощание:

— Ты проснёшься. Когда придёт время. Когда встретятся те, кто будет готов умереть друг за друга. Когда сталь и роса сольются в поцелуе. Тогда расцветёшь снова.

Он ушёл в свой лес, уведя за собой всех эльфов. Граница закрылась, и больше ни один смертный не переступал её безнаказанно. Люди винили эльфов в предательстве. Эльфы винили людей в убийстве. И те, и другие были правы. И те, и другие ошибались.

А скверна ползла.

Медленно, но неумолимо.

Прошло семь столетий.

Старый эльфийский сказитель сидел у костра на краю Заповедного леса. Борода его была бела, как первый снег, глаза выцвели до прозрачности — так выцветают глаза у тех, кто слишком долго смотрит в прошлое. Рядом сидели трое мо-

лодых эльфов, только-только прошедших инициацию.

— Учитель, — спросила самая юная, Ириэль, — а это правда? Всё, о чём ты пел? Принцесса Мариэль, воин Орбан, цветок?

Старик усмехнулся в усы.

— Ты хочешь спросить, не выдумка ли это, чтобы дети слушались старших?

Ириэль смутилась, но кивнула.

— Это правда, дитя. Я видел последний цветок своими глазами.

Эльфы замерли.

— Я был мальчишкой, — продолжал старик, глядя в огонь. — Младшим помощником садовника. Мы ухаживали за западным крылом сада, там, где росли лунные лилии. Я видел её однажды. Мариэль.

— Какая она была? — выдохнула Ириэль.

— Как свет, — просто ответил сказитель. — Как утренний свет, который просачивается сквозь листву. Она шла по дорожке, а за ней Орбан. Они держались за руки. И там, где ступали их ноги, распускались маленькие енатеры.

Он замолчал. Долго было слышно только потрескивание хвороста.

— А потом Орбана убили, — сказал он тише. — И чуда не случилось. Сад умер. Я ушёл с Элендилом, стал сказителем. Мне поручили хранить память о том, что мы потеряли.

Второй ученик, высокий серьёзный юноша, нахмурился:

— Учитель, а пророчество? «Наследник стали, и хранительница росы...»

— Да, — старик кивнул. — Пророчество.

Он поднял голову и посмотрел на небо. Там, среди россыпи знакомых созвездий, догорала падающая звезда — яркая, одинокая.

— Чувствуешь? — спросил он.

— Что? — не поняла Ириэль.

— Время пришло, — сказал сказитель. — Где-то там, на востоке, сейчас плачет мальчик, которому суждено полюбить ту, что ещё не родилась.

Он встал, опираясь на посох. Три пары глаз уставились на него с трепетом.

— Учитель, но ведь это значит... мы снова встретимся с людьми?

— Это значит, что если двое смогут преодолеть пропасть, которую мы сами вырыли, — сад проснётся. Скверна отступит. Мир станет прежним.

— А если нет? — спросила Ириэль.

Старик не ответил сразу. Он провёл сухой ладонью по стволу ближайшего дуба — дерево отозвалось слабой дрожью.

— Тогда тьма поглотит всё, — сказал он наконец. — Люди исчезнут. Эльфы уйдут за Край. А этот лес станет мёртвой пустошью.

Он повернулся к ученикам, и в его выцветших глазах про-

мелькнул отблеск давнего огня.

— Поэтому я пою. И буду петь, пока голос не охрипнет. Потому что кто-то должен помнить. Кто-то должен рассказать им, когда они встретятся, что они не одни.

Он замолчал, и ночь обняла лес тишиной.

Где-то далеко, за много лиг отсюда, в замке Аграсс заплакал мальчик, которому дали имя Ен. Он не знал, что ему суждено. Не знал, что его сердце — ключ. Не знал, что где-то в Заповедном лесу, ждут на свет девочку по имени Тера, и в её жилах будет петь магия, усыпившая сад семь веков назад.

Но старый сказитель знал.

И звёзды знали.

И мёртвый сад, покрытый вековой пылью, едва заметно вздрогнул в своей каменной колыбели, словно почувствовал: скоро...

Совсем скоро...

Глава 1. Приказ.

Восточный замок встречал рассвет серо-стальным небом. Тяжёлые тучи висели над башнями, словно не решаясь пролиться дождём, но давили на плечи каждого, кто выходил из покоев. Ен стоял у окна в своей комнате на третьем ярусе южного крыла — единственном месте, где можно было увидеть горизонт, не натываясь взглядом на крепостные стены.

За двадцать девять лет он привык к этому виду: бесконечная линия леса на востоке, серая гладь озера на западе, пустая дорога к воротам. Пустота. Тишина. Только ветер гудел в щелях между камнями.

Он провёл ладонью по подоконнику, собирая пальцами тонкую пыль. Пыль была везде — на книгах, на доспехах, которые висели в гардеробной. Отец говорил: «Пыль — это память. Каждая частичка — то, что было». Ен тогда не понимал. Теперь начинал догадываться. Два года как отца не стало. Пыль — это то, что остаётся, когда всё остальное уходит.

Ен вздохнул и потёр переносицу. Спал он плохо — всю ночь ворочался, перебирая новости с востока. Говорили, что скверна ползёт медленно и уверенно. Люди пропадали в лесах. Животные уходили в никуда. А по ночам, если прислушаться, можно было услышать, как земля стонет — глубоко, изнутри, будто там, под корнями, что-то огромное ворочалось во сне.

— Ваше высочество, — раздался голос за дверью. — Глава наёмников ждёт вас в малом зале. Приказано явиться без промедления.

Ен узнал голос — младший паладин, парень лет восемнадцати. Он помнил, как сам был таким же, пока отец не вбил ему: «Ты не мальчишка. Ты — продолжение трона. Веди себя так, даже когда спишь».

— Передай, что я иду, — ответил Ен, не повышая голоса. — И не называй меня высочеством, когда вокруг никого нет.

— Простите, господин. — За дверью послышался лёгкий стук — парень поклонился, ударившись лбом о косяк. — Я скажу.

Шаги удалились. Ен усмехнулся одними уголками губ. Хороший парень, старательный, но слишком робкий для палладина. Впрочем, Ен не имел права судить: он сам был не тем, кем должен был стать по замыслу отца. Наследник трона — это меч, щит и железная воля. Ен чувствовал себя скорее ножнами: снаружи твёрдыми, а внутри пустыми.

Он отлепился от подоконника, накинул лёгкий камзол и вышел в коридор.

В малом зале было тесно от мрака. Дубовый стол, карта, придавленная медными подсвечниками, и трое мужчин. Глава наёмников Аларик стоял у стола — высокий, с рыжеватой проседью и шрамом через левую щёку. За его спиной замерли двое — один с кинжалом на поясе, другой с арбалетом.

— Ваше высочество, — Аларик кивнул с той наглой по-

чтительностью, которая свойственна наёмникам. — Выглядите свежим, несмотря на ранний час.

— Ложь, — Ен сел на ближайший стул, положив руки на колени. — Я не спал. От вас пахнет вином и дорогой. Говорите, зачем позвали.

Аларик оскалился, обнажив жёлтые зубы. Он не боялся ни королей, ни богов — или делал вид. Служил тёмному королю три года и за это время выбивал долги, умирал бунты, убирал неугодных. Но сегодня в его глазах было что-то новое — смесь азарта и... осторожности.

— Вы правы, — сказал он, пододвигая карту ближе к Ену. — Я не для малых дел. Король поручил мне найти одну эльфийскую жрицу. Она прячется в Заповедном лесу. Её нужно доставить отшельнику на западе. Тот отшельник умеет очищать земли от скверны.

Ен поднял бровь.

— Жрица? В Заповедном лесу? Это значит, эльфы вышли из убежищ.

— Возможно, — равнодушно пожал плечами Аларик. — Мне плевать. Мне нужно, чтобы вы возглавили отряд и привезли её сюда. Живой. Невредимой.

— Почему я?

Аларик обошёл стол, пальцем указывая на точку на карте.

— Потому что, ваше высочество, ваши предки были легендарными воинами. В вас течёт их кровь. Лес не почует вас раньше, чем любого из моих парней. Вы войдёте туда,

где мы сдохнем за первый же шаг. Это не прихоть. Это необходимость.

Ен сжал пальцы в кулак под столом. Наследник трона, а на деле — пешка.

— Я согласен, — сказал он, голос прозвучал холодно. — Но я хочу знать две вещи. Кто этот отшельник? И что будет с жрицей после ритуала?

Аларик прищурился. На мгновение его лицо стало непроницаемым.

— Отшельник — старик, знающий старые заклинания. А что будет с жрицей... — он сделал паузу, — не ваше дело.

— Не моё? — Ен встал, стул с грохотом отодвинулся. — Я рискую жизнью, иду в запретный лес, ловлю существо, которое сильнее всех моих людей. И вы говорите, что это не моё дело? Я не мальчик на побегушках, Аларик. Я принц. И если я должен стать убийцей по вашему приказу, я хочу знать, кого убиваю и зачем.

В зале повисла тишина. Охрана за спиной Аларика напряглась. Наёмник хмыкнул.

— Умный мальчик. Но слишком горячий. Хорошо. Отшельник — это не просто старик. Он жрец тёмного культа, который поклоняется тому, что спит под горами. Жрица нужна ему для жертвоприношения. Чтобы пробудить... или усыпить. Без неё скверна выйдет на поверхность через месяц, и тогда ни ваш замок, ни мои деньги, ни ваша кровь не спасут. Поняли?

Ен смотрел в упор. В горле пересохло. Жертвоприношение. Тёмный культ. Скверна.

— Я выполню задание, — сказал он, опуская взгляд на карту. — Но я сам буду решать, что делать с жрицей по пути. И если я решу, что она не должна умирать, я не отдам её. Скажете королю, что я нарушил приказ? Плевать. Я наследник здесь, и я имею право на голос.

Аларик протянул руку и хлопнул Ена по плечу — жест, который был одновременно и одобрением, и предупреждением.

— Договорились. Но помните: если вы провалитесь, я лично приду за вами. И за вашим замком тоже. — Он убрал руку и кивнул охране. — Отряд ждёт у восточных ворот. Сбор через час. И не забудьте тёплый плащ — в том лесу холодно даже летом.

Он развернулся и вышел, оставив за собой запах дыма и старого вина. Дверь захлопнулась, и Ен остался один в малом зале, глядя на карту, на точку у пересечения рек. Где-то там, в глубине леса, ждала та, которую ему предстояло поймать. Эльфийская жрица. Хранительница росы.

Он не знал её лица, не знал имени. Но уже чувствовал, как внутри закипает что-то, чему он не мог дать имени. То ли страх, то ли предвкушение.

Ен вернулся в свои покои и начал собираться. Меч, лёгкий лук, запасные стрелы. Он накинул на плечи тёмный плащ. На поясе — фляга. В сумке — хлеб и сушёное мясо. Руки

двигались сами, а мысли были далеко.

Он думал об отце. Тот всегда говорил, что настоящий правитель должен уметь всё. Ен умел. Умел читать карты, фехтовать, держать лицо. Но сейчас он чувствовал себя не правителем, а орудием.

— Ен?

Голос Бована раздался из коридора. Друг вошёл без стука — они так делали с детства. Бован был младше на несколько лет, но выглядел старше на десять — суровое лицо, вечно прищуренные глаза, короткая стрижка. Паладин до мозга костей.

— Я слышал, ты идёшь в лес, — сказал Бован, прикрывая дверь. — Один? С наёмниками? Что за бред?

— Не бред. Приказ короля.

— Какого короля? Ты — король! Ну, почти. Ты можешь отказаться.

Ен усмехнулся, затягивая ремни на сумке.

— Могу. И что тогда? Вервульф нападёт, скверна уничтожит всё. А я буду сидеть в замке и ждать. Нет уж. Если я могу что-то сделать — я сделаю.

Бован подошёл ближе.

— Ты не обязан тащить на себе весь мир. Ты — не один. У нас есть армия, есть маги, есть...

— У нас есть я, — перебил Ен. — И именно я должен туда идти. Ты же знаешь легенду, Бован. Наследник стали. Может и правда судьба.

— Это всего лишь сказка.

— А вдруг нет?

Бован вздохнул. Он знал, что спорить бесполезно.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет. Ты нужен здесь. Замок надо защищать.

— Ен...

— Я не прошу тебя, я приказываю. — Ен поднял на друга взгляд. — Ты мой капитан. Охраняй замок. Позаботься о матери. Если я не вернусь...

— Вернёшься.

— Если не вернусь, — повторил Ен твёрже, — передай ей, что я любил её. И отца.

Бован хотел сказать что-то ещё, но сдержался. Вместо этого он протянул руку и сжал плечо друга.

— Я всё равно поеду с тобой, — сказал он коротко.

— Ладно, возьми пару своих паладинов, — ответил Ен.

Они стояли мгновение, глядя друг на друга. Потом Ен развернулся и вышел из комнаты. У Бована промелькнула улыбка на лице, сам того не замечая.

Королева Илайна ждала его у главных ворот. Она стояла на крыльце — высокая, с серебристыми волосами и острыми чертами лица. В руках она держала небольшой свёрток.

— Мать, — Ен подошёл и склонил голову.

— Ты собираешься в Заповедный лес, — сказала она без вопросительной интонации. — Я знаю.

— Ты знаешь приказ.

— Я знаю тебя, — ответила она. — Ты всегда делаешь то, что считаешь правильным. Даже если это опасно.

Она протянула ему свёрток. Ен развернул — внутри оказался перстень, вылитый ещё в великих воротах.

— Это принадлежало твоему отцу, — сказала королева. — Он взял его в свой последний поход. И вернул мне перед битвой. Сказал: «Отдай Ену, когда ему понадобится». Мне кажется, сейчас самое время.

Ен сжал перстень. Он был лёгким, но и в тоже время казался тяжёлым. Он чувствовал тепло, исходящее от него — или это просто его воображение?

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. — Королева шагнула ближе и коснулась его плеча. — Будь осторожен. И помни: что бы ни случилось, ты — мой сын. Я горжусь тобой.

Ен кивнул. Слова застревали в горле. Он просто развернулся и пошёл к воротам, где его ждали десять всадников в тёмных плащах.

Через час они выехали из замка. Лошадь под ним — кобыла по кличке Выюга — дрожала, чуя ветер, тянувший с востока. Запах был странным, сладковатым, как гнилые цветы.

Ен стиснул поводья. Впереди — туман, лес и неизвестность. Где-то там, в чаще, ждала эльфийская жрица. Он не знал её лица, имени, не знал, кто она. Но уже чувствовал, как внутри закипает что-то — то ли страх, то ли предвкушение.

«Что я делаю? — подумал он, глядя на лес. — И что я

найду там?»

Лес не ответил.

Но звёзды — звёзды знали.

Глава 2. Та, что ускользает.

Дорога к Заповедному лесу заняла три дня. И каждый из них Ен запомнил, как отдельный круг ада, выкованного из собственного нетерпения.

На первый день они миновали последнюю человеческую деревню — десять домишек, прилепившихся к холму. Ободранные крыши, пустые огороды, тишина. Жители не вышли им навстречу. Ен заметил лишь мелькнувшее в щели ставня лицо: старуха с белыми, как молоко, глазами смотрела на него так, будто уже знала, чем всё кончится. Она что-то проворковала, когда он проезжал мимо. Ен не разобрал слов, но по спине пробежал холод.

— Она прокляла нас, — усмехнулся один из наёмников, коренастый парень по имени Корбин.

— Не каркай, — буркнул Эдвин, старший разведчик, и прищипорил коня.

На второй день лес начал приближаться. Сначала он выглядел просто тёмной полосой на горизонте. Но чем ближе они подъезжали, тем плотнее становился воздух, тем гуще — тени под кронами. К вечеру второго дня Ен уже чувствовал запах прелой листвы и сырой земли, смешанный с чем-то неуловимым — как запах металла перед грозой.

— Завтра на рассвете войдём, — сказал Эдвин, спешиваясь у небольшого ручья. — Дальше — пешком. Лошади не

пройдут.

Ен кивнул, не говоря ни слова. Он сидел на камне и смотрел, как последний свет умирает за деревьями. В груди росло странное чувство — смесь страха и предвкушения. Он думал о той, кого должен был найти. Эльфийская жрица. Хранительница росы. Почему-то эти слова звучали для него как музыка.

«Ты просто выполняешь приказ», — сказал он себе. — «Ничего личного».

Но он уже знал, что врёт.

Утро третьего дня встретило их стылым туманом. Лес стоял стеной — плотной, почти осязаемой. Деревья здесь были иными: их стволы достигали нескольких локтей в обхвате, корни, словно огромные пальцы, впивались в землю, вздымая её буграми. Листва имела синеватый оттенок, и даже при солнечном свете она казалась пропитанной сумерками.

— Дальше мы идём пешком, — повторил Эдвин, спрыгивая с лошади.

Отряд спешил. Двенадцать человек в тёмных плащах — Ен быстро окинул их взглядом. Бован с двумя паладинами, Эдвин, Корбин, Теодор, остальные — молчаливые, сосредоточенные разбойники.

— Смотрите под ноги, — предупредил Ен. — Здесь каждая ветка может оказаться ловушкой.

Ен шагнул вперёд первым. Земля под ногами оказалась мягкой, пружинистой — он провалился в мох по щиколотку.

Всякий раз, когда он ступал, из-под ног вырывался слабый, едва слышный звук, будто земля вздыхала.

— Она близко, — сказал Ен, когда они углубились в чашу.

— Я чувствую магию. Она как... холодная вода.

— А я ничего не чувствую, — признался Теодор, нервно оглядываясь.

— Поэтому ты не разведчик, — буркнул Корбин.

Ен молчал. Внутри него росла уверенность: они идут верно. Шаг за шагом, ветка за веткой. И вдруг лес изменился. Стало тихо. Птицы замолчали. Даже ветер стих.

— Она знает, что мы здесь, — прошептал Эдвин.

И тогда только Ен её увидел.

Она стояла на поляне, шагах в тридцати от них — стройная фигура в одеждах цвета утреннего неба. Длинные волосы, рассыпавшиеся по спине, чуть колыхались, хотя ветра не было. Тонкие руки касались веток, словно благословляя их. Деревья, которых касалась она, начинали едва заметно светиться.

Она пела. Ен не сразу понял это — звук был почти неслышным, как отдалённый звон колокольчика. Но когда он вслушался, слова сложились в мелодию:

«Там, где корни спят в тиши,

Там, где камни помнят кровь,

Жди, когда придёт тот,

Кто не боится назвать любовь...»

Голос проникал под кожу, оставляя там след. Ен почув-

ствовал, как его рука, лежащая на эфесе, расслабляется сама собой. Дыхание стало глубже. Он забыл, зачем пришёл. Только она — и её пение.

— Ен, — прошептал Бован за спиной, — она здесь. Она нас заметила.

Эльфийка перестала петь. Звери разбежались, маленькие колибри разлетелись по сторонам. Её голова медленно повернулась в их сторону. Свет вокруг неё погас, словно кто-то задул свечу. И когда её глаза — огромные, миндалевидные, цвета молодой листвы — встретились с его глазами, Ен вздрогнул.

В них не было страха. Только холодное, колющее недоверие.

— Кто вы? — спросила она, и голос её звучал ровно, без дрожи, но с оттенком угрозы. — Вы не эльфы. Вы — люди. Как вы прошли барьер?

Ен шагнул вперёд, подняв руки, чтобы показать: он без оружия.

— Меня зовут Ен. Я принц восточных земель Этелариума. Мы не желаем вам зла.

— Не желаете зла? — Она усмехнулась, но в усмешке не было тепла. — Тогда зачем ты привёл с собой дюжину вооружённых людей? Для дружеской беседы?

— Мы хотим поговорить.

— Люди не приходят в Заповедный лес, чтобы говорить. — Она сделала шаг вперёд, и в её руке, откуда ни возьмись,

появился посох — тонкий, светящимся синим. — Они приходят с мечами и цепями. Я вижу твоих спутников, принц. Не лги мне.

Земля под ногами Ена дрогнула. Ветки деревьев зашевелились без ветра, листья начали падать, но не касались земли — они зависли в воздухе, образуя вокруг неё кольцо.

— Я не лгу, — сказал Ен, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем он чувствовал. — Мне дали приказ. Но приказ — не моя воля. Я хочу понять, кто ты и почему мы должны быть врагами.

Она остановилась. Кольцо листьев замерло.

— Хочешь понять? — переспросила она, и в голосе скользнула насмешка. — А если я скажу, что ваша земля умирает не из-за магии, а из-за людей, которые отравили её алчностью? Ты, наследник трона, сможешь это принять?

Ен молчал. Он чувствовал, что каждое её слово — правда. И эта правда жгла.

— Я не знаю, — честно признался он. — Но я готов слушать.

Она смотрела на него долго, изучающе. Ен заметил, как её пальцы сжали посох чуть крепче — не от страха, а от удивления. Она не ожидала такого ответа.

— Ты странный, — сказала она. — В тебе есть что-то, чего нет в других людях.

— Мои предки были с эльфами, — вырвалось у него без его воли. — Давно. Очень давно.

— Читал? — Она приподняла бровь, и в этом жесте было столько иронии, что Ен почувствовал себя мальчишкой. — Ты — принц, который читает старые книги о любви людей и эльфов. Это трогательно. И глупо.

— Может быть, — согласился он, не отводя взгляда. — Но я хочу знать правду.

Она шагнула ещё ближе. Теперь их разделяло всего несколько шагов. Ен видел, как падают светлые пряди на её лицо, как блестят глаза. Он видел тонкую морщинку между бровей — след тревоги, которую она пыталась скрыть.

— Правда, — повторила она, и голос её потерял часть металлического оттенка. — Ты не готов к ней, принц. Никто из людей не готов.

— Тогда готовь меня, — сказал он тихо. — У нас есть время.

Она замерла. Ен видел, как её дыхание перехватило на мгновение. Впервые за всё время она выглядела не уверенной, а... растерянной. Это длилось лишь секунду, но он успел заметить.

Она хотела ответить — и в этот момент сзади раздался лязг арбалета. Теодор, не выдержав, взвёл курок.

— Нет! — крикнул Ен, оборачиваясь, но было поздно.

Болт просвистел в воздухе. Эльфийка не уклонилась. Она просто подняла свободную руку, и болт застыл в полёте, в дюйме от её ладони, а затем упал на землю, рассыпавшись в труху.

— Ты хотел понять меня, — сказала она, глядя на Ена с ледяным спокойствием. — Теперь твой человек хотел убить меня. Прощай, принц.

Она взмахнула посохом. Земля под их ногами разверзлась — не настоящая пропасть, а магическая дымка, тёмная и плотная, затянувшая их по колени. Ен рванулся вперёд, но Бован схватил его за плечо.

— Стой! Это ловушка!

— Отпусти! — Ен вырвался и побежал за ней. Он видел, как её серебряный след скользит между стволами. — Стой! Я не дам тебе уйти!

Она двигалась быстрее. Но он — упрямее. Он бежал, не думая об отряде, о ловушках, о страхе. Только о ней. Она была как тень, как сон, как обещание. Он влюбился в неё с первой секунды, как увидел.

Поляна, залитая лунным светом, хотя над ними смыкались кроны. Она стояла в центре, и посох был направлен на него. В глазах — удивление.

— Ты действительно побежал за мной, — сказала она. — Ты не боишься, что я убью тебя?

— Боюсь, — честно ответил он, хватая ртом воздух. — Но я больше боюсь того, что уйду, не поняв, кто ты.

Она опустила посох. Медленно. Осторожно.

— Ты не похож на других, — сказала она, и голос её смягчился ещё немного. — Но это не значит, что я тебе верю.

— Я не прошу верить, — сказал он, делая шаг вперёд. —

Я прошу дать шанс.

— Шанс? — Она горько усмехнулась. — Люди давали мне шанс один раз. Он стоил мне всего.

— Расскажи, — попросил он. — Я слушаю.

Она смотрела на него долго. Так долго, что он начал чувствовать, как по коже бегут мурашки. И наконец она проговорила:

— Меня зовут Тера. Я — хранительница этого леса. И я знаю, что вы ищете. Я знаю, что ваша скверна — это не природа. Это — проклятие. И вы, люди, сами его навлекли.

— Я знаю, — сказал он, и голос его звучал искренне. — Я не хочу врать тебе. Я хочу помочь.

Она хотела ответить, но в этот момент из леса выскочили его люди — Бован, Эдвин, Корбин. Они были вооружены, их лица были искажены яростью.

— Лови её! — крикнул Корбин.

Тера подняла посох, но было поздно. Сеть, пропитанная анти магией, накрыла её с головой. Она упала на колени, не успев даже вскрикнуть.

— Нет! — Ен бросился к ней, разрывая сеть, но Бован оттолкнул его.

— Не смей! — прорычал Бован. — Она опасна. Приказ есть приказ.

— Ты не понимаешь! — Ен пытался подняться, но его держали.

Эльфийка взглянула на него сквозь сеть. В её глазах боль-

ше не было холода. Только боль. И странная вещь — лёгкий, почти незаметный интерес.

— Ты хотел понять, — прошептала она. — Теперь ты понял, принц? Настоящая цена.

— Тера, — выдохнул он, сам не зная, как это имя сорвалось с его губ.

Она замерла. На одно мгновение. А потом её глаза закрылись, и она потеряла сознание.

Ен смотрел на неё, лежащую на траве, с анти магическими кандалами на запястьях. Внутри что-то оборвалось. Он не знал её, не знал её истории, но уже чувствовал: он может потерять что-то важное.

— Вяжите её крепче, — скомандовал Эдвин. — Путь до границы — три дня.

Ен молчал. Только смотрел на её лицо, бледное, с закрытыми глазами. И повторял про себя её имя.

Тера.

Глава 3. Оковы и молчание.

Обратный путь начался в гнетущей тишине.

Ен сидел в седле, но его мысли были не с отрядом, а там, позади — на поляне, где он впервые услышал её имя. Тера. Оно звучало как музыка, как шелест листьев, как звон ручья. Но сейчас оно отдавалось в его голове глухим, тревожным эхом, потому что она сидела в нескольких шагах от него, закованная в анти магические кандалы, и не произносила ни слова.

Они двигались по той же тропе, но теперь лес казался враждебным. Ветви цеплялись за плащи, корни норовили споткнуть лошадей, воздух стал тяжёлым, как перед грозой. Ен чувствовал на себе взгляд — не отрядный, не Бована, который периодически бросал на него тревожные взгляды, а иной. Холодный. Пронзительный. Он обернулся и встретился глазами с Терой.

Она сидела на лошади позади Эдвина, её руки были скованные спереди, на запястьях тускло поблёскивали браслеты с вкраплениями обсидиана. Единственное, что могло сдерживать эльфийскую магию. Лицо её было непроницаемо, как каменная маска, но глаза — эти огромные, зелёные — горели. Не гневом, нет. Чем-то более глубоким. Презрением, смешанным с болью, которую она отчаянно прятала.

Ен отвернулся первым. Ему стало стыдно.

Они ехали так почти час, пока лес не начал редеть. На горизонте показались первые холмы, поросшие кустарником. Здесь было светлее, и отряд немного расслабился. Эдвин подал знак остановиться у ручья.

— Привал, — сказал он. — Час на отдых. Лошадям нужно напиться.

Ен спрыгнул с седла первым. Ноги затекли, спина ныла. Он потянулся, разминая плечи, и краем глаза заметил, как Тера спускается с лошади с чужой помощью. Эдвин грубо схватил её за локоть, чтобы удержать, когда она пошатнулась. Она дёрнулась, как от удара.

— Не трогай меня, — сказала она тихо, но в голосе звенела сталь.

— Я должен следить, чтобы ты не сбежала, — ответил Эдвин безразлично.

— Я не сбегу. — Она дёрнула руками, и кандалы звякнули. — С такими цепями я даже шаг не сделаю без вашего позволения.

— Всё равно не доверяю, — буркнул Корбин, проходя мимо. — Эльфийки — они хитрые. Раз — и исчезла.

— Я не исчезну, — сказала она, и в голосе прозвучала такая усталость, что Ену стало не по себе. — Куда мне идти? Мой лес остался позади. Мой народ — в другой стороне. А вы, люди, везде одинаковые.

Корбин хмыкнул и отошёл.

Ен подошёл к ней, стараясь не делать резких движений.

Она стояла у ручья, отвернувшись от всех, и смотрела на воду. Её руки были скрещены на груди — насколько позволяли кандалы. Плечи слегка дрожали.

— Тера, — сказал он тихо, чтобы никто не слышал, накинув на неё свой плащ.

Она не ответила. Даже не повернулась.

— Я знаю, ты злишься, — продолжил он, приближаясь ещё на шаг. — Ты имеешь на это право. Но если ты не поешь и не выпьешь, ты ослабнешь. А нам ещё идти два дня.

— Два дня? — Она повернула голову, и в её взгляде была такая горечь, что у него перехватило дыхание. — И куда вы меня везёте? На заклинание?

Ен сглотнул. Он не знал, как сказать ей правду. Но врать не хотел.

— Я не знаю точно, — признался он. — Мне сказали, что ты нужна отшельнику. Что он может очистить земли. Но я не знаю, что он с тобой сделает. Я... я буду стараться, чтобы тебе не причинили вреда.

Она усмехнулась, но в усмешке не было веселья.

— Ты будешь стараться, — повторила она. — Как мило. Принц, который хочет защитить эльфийку от своих же людей. Ты понимаешь, как это звучит?

— Понимаю, — сказал он, не отводя взгляда. — Как наивность. Как глупость. Но я правда не хочу, чтобы ты страдала.

Она смотрела на него долго. Так долго, что он начал чув-

ствовать, как по спине пробегает холод. Но в её глазах больше не было той ледяной ярости. Только усталость и — странное дело — лёгкое любопытство.

— Ты странный, — сказала она наконец, те же слова, что и в лесу. — Я уже говорила тебе это. Но сейчас я начинаю думать, что ты не просто странный. Ты... другой.

— Другой — это хорошо или плохо? — спросил он с робкой улыбкой.

— Не знаю, — ответила она, и в голосе промелькнула неуверенность. — Время покажет.

Она отвернулась, но Ен заметил, как её плечи чуть ослабились.

— Я принесу тебе воды, — сказал он и отошёл, чтобы не давить на неё.

Он наполнил флягу из ручья, отломил кусок хлеба и завернул его в чистую тряпицу. Подошёл снова, протянул ей.

— Возьми, — сказал он мягко. — Пожалуйста.

Она помедлила. Ен видел, как борются в ней гордость и жажда с голодом. Наконец она взяла флягу и хлеб. Её пальцы — тонкие, с чуть заострёнными ногтями — коснулись его ладони. И в этот момент он вздрогнул. Это было первое прикосновение с девушкой, хоть и эльфийкой.

Кожа была прохладной, но в том прикосновении было что-то электрическое. Что-то, что пробежало по всей его руке и ударило в сердце. Он отдёргнул руку, словно обжёгся.

Она тоже это почувствовала. Её зрачки расширились на

одно мгновение, но она быстро взяла себя в руки и отвернулась.

— Спасибо, — сказала она коротко, не глядя на него.

— Не за что, — ответил он, и голос его дрогнул.

Она отпила воды, откусила хлеб и снова уставилась на ручей. Ен стоял рядом, не зная, что сказать. Внутри него бушевала буря. Он не понимал, что это было за прикосновение. Случайность? Магия? Или что-то другое?

Он отошёл к костру, где Бован уже сидел на корточках, помешивая похлёбку в котелке.

— Ты слишком мягок с ней, — сказал Бован без предисловий, не поднимая головы. — Она враг.

— Она — не враг, — ответил Ен, садясь рядом. — Она просто... она не знает нас. Она боится.

— И правильно делает, — буркнул Бован. — Мы пришли с мечами. Мы связали её. Мы везём её к жрецу. Если бы я был на её месте, я бы тоже боялся.

Ен замолчал. Друг был прав. И эта правда жгла.

— Я не дам её в обиду, — сказал он тихо.

— Ты не сможешь её защитить, — возразил Бован. — У тебя нет власти над этим.

— Тогда я найду способ, — упрямо сказал Ен.

Бован вздохнул и покачал головой.

— Ты всегда был упрямым, — сказал он, и в голосе слышалась усталая нежность. — Но это может тебя погубить.

— Может, — согласился Ен. — Но я готов рискнуть.

Он поднялся и отошёл от костра, оставляя Бована с его тревогами.

Вечер опустился на лагерь. Солнце скрылось за холмами, и тьма окутала их, как плотное одеяло. Костёр горел ярко, отбрасывая длинные тени. Солдаты сидели вокруг, переговариваясь вполголоса. Кто-то уже спал, положив голову на седельную сумку.

Тера сидела отдельно от всех, на поваленном стволе, у самого края света. Её руки были скованные, но она умудрилась завернуться в плащ — тот самый, который Ен накинул на неё.

Ен подошёл к ней и сел на расстоянии вытянутой руки.

— Холодно? — спросил он.

— Я не замёрзну, — ответила она, но голос дрогнул. — Эльфы не мёрзнут.

— Правда? — он улыбнулся. — Тогда почему ты взяла мой плащ?

Она посмотрела на него, и в уголках её губ мелькнуло что-то, что можно было принять за улыбку.

— Потому что он пахнет деревом, — сказала она. — Как мой лес. А вы, люди, пахнете железом и потом.

— Извини, — сказал он, и в голосе его звучала искренняя улыбка. — Мы стараемся.

Она снова взглянула на него, и в этот раз в её взгляде не было колючей настороженности. Только усталое принятие.

— Ты странный, — повторила она, но теперь это звучало

почти ласково. — Ты не похож на других людей. Ты не смотришь на меня как на врага.

— Я не хочу быть врагом, — сказал он. — Я хочу понять.

— Что именно?

— Почему ты одна? — спросил он. — Где твой народ?

Твоя мать?

Она помедлила. Ен видел, как её пальцы сжались на коленях.

— Моя мать, — сказала она наконец. — Она живёт на острове севернее. Там, где эльфы ещё помнят, кто мы. А я... я осталась в лесу. Потому что кто-то должен был охранять сад.

— Ты охраняла его одна? Все эти годы?

— Не одна, — сказала она, и голос её чуть смягчился. — У меня были звери, птицы и деревья. Они говорили со мной. Они стали моими друзьями.

— А люди?

— Люди, — она усмехнулась, но в усмешке не было злобы. — Люди всегда хотели меня убить. Или использовать. Ты — первый, кто попытался поговорить.

Ен почувствовал, как его сердце сжалось от боли за неё.

— Мне жаль, — сказал он. — Что тебе пришлось быть одной.

Она подняла на него глаза, и в них стояли слёзы, но она не дала им пролиться.

— Не жалей, — сказала она. — Я справилась. И дальше

справлюсь.

Она отвела взгляд, и Ен не стал настаивать. Они сидели в тишине, слушая, как трещит костёр, как где-то вдали ухает сова.

Через некоторое время она заговорила снова:

— Расскажи о себе, — сказала она. — Ты — принц. У тебя есть всё. Что ты ищешь в этом лесу?

— Я ищу ответы, — сказал он, помедлив. — Я всегда искал смысл. А потом я встретил тебя.

Она посмотрела на него с недоумением.

— Я — твой ответ?

— Я не знаю, — честно ответил он. — Но я чувствую, что ты — часть этого. Судьба, я бы сказал так.

Она ничего не сказала. Только отвела взгляд и снова устала на костёр. Но Ен видел, как её руки чуть дрожат.

— Спать иди, — сказала она наконец. — Тебе нужен отдых. Завтра будет долгий день.

— А ты? — спросил он.

— Я не сплю, — ответила она. — Я смотрю на звёзды. И думаю.

Он хотел остаться, но почувствовал, что она хочет побыть одна. Он поднялся.

— Доброй ночи, — сказал он.

— Доброй ночи, — ответила она, и в голосе её прозвучала странная мягкость.

Ен отошёл к своему месту и лёг на землю, глядя в небо.

Звёзды мерцали ярко, но он видел только её лицо, её глаза, её руки, которые дрожали у костра.

Он знал, что не уснёт. Но он знал и другое: он сделает всё, чтобы защитить её.

Утром они продолжили путь. Тера сидела на лошади позади Эдвина, и Ен несколько раз пытался заговорить с ней, но она отвечала коротко, односложно.

— Ты всё ещё злишься? — спросил он, когда отряд остановился на очередной привал.

— Я не злюсь, — ответила она. — Я просто не верю. Не тебе, не им. Никому.

— Я не прошу верить, — сказал он. — Я прошу дать шанс.

— Шанс? — она усмехнулась. — Ты дал мне шанс, когда сказал своим людям не стрелять. Но потом они всё равно напали.

— Я не хотел этого, — сказал он, и в голосе звучала искренняя боль. — Я пытался остановить их.

— Ты не смог, — сказала она сухо. — Потому что ты один, а их — много. Ты — принц, но ты бессилен перед ними.

Эти слова ударили его как пощёчина. Она была права. Он — наследник трона, а не может даже защитить одну женщину.

— Я стану сильнее, — сказал он. — Я найду способ.

Она посмотрела на него, и в её взгляде промелькнуло удивление.

— Ты действительно в это веришь?

— Я верю, — ответил он.

Она отвернулась, но в её молчании было меньше холода, чем раньше. Ен почувствовал, как в груди разливается странное тепло.

Они ехали дальше, и Ен не сводил с неё глаз. Он знал, путь будет трудным. Но он также знал, что не отступит.

Вечером второго дня они разбили лагерь у небольшого оврага. Костёр развели, и Ен снова подошёл к Тере.

Она сидела на камне, глядя в огонь. Её руки были скованные, но она смотрела на пламя с таким выражением, будто видела в нём нечто большее, чем просто огонь.

— Ты смотришь на костёр так, будто он говорит с тобой, — сказал Ен, садясь рядом.

— Он говорит, — ответила она, не оборачиваясь. — В каждом пламени есть голос. Ты просто не умеешь его слышать.

— Научи, — сказал он.

Она повернулась к нему, и в глазах её мелькнуло удивление.

— Ты серьёзно?

— Да, — ответил он. — Я хочу научиться.

Она помедлила, а затем кивнула.

— Смотри, — сказала она, указывая на огонь. — Видишь, как он танцует? У каждого языка есть свой ритм. Этот — быстрый, этот — медленный. Если ты поймёшь их ритм, ты поймёшь, что они хотят сказать.

Ен всмотрелся в пламя. Сначала он ничего не видел, кроме хаоса. Но затем он начал замечать — один язык взлетал вверх резко, другой — плавно, третий — закручивался спиралью.

— Я вижу, — сказал он удивлённо.

— Хорошо, — сказала она, и в голосе прозвучала лёгкая одобрительная нота. — Ты учишься.

Она снова отвернулась к огню, и Ен почувствовал, как в его груди разливается радость. Она разговаривает с ним. Она не злится.

— Расскажи мне о своём лесе, — попросил он. — О том, как ты росла.

Она помедлила, но затем начала говорить. О том, как бегала босиком по мху, как плела венки из светящихся цветов, как разговаривала с белками и совами. Её голос был тихим, но в нём звучала такая любовь к своему дому, что Ен слушал, затаив дыхание.

— Я хочу увидеть это, — сказал он, когда она замолчала. — Твой лес. Твой мир.

— Ты не сможешь, — ответила она, и в голосе послышалась грусть. — Он закрыт для людей.

— Тогда я попрошу разрешения, — сказал он. — Если ты позволишь.

Она подняла на него глаза. В них было столько боли и надежды одновременно, что у него перехватило дыхание.

— Ты странный, — сказала она, и в её голосе звучала та же

мягкость, что и в лесу. — Странный и наивный. Но, может быть, именно таких нам и не хватало.

Она улыбнулась. Слабо, едва заметно, но это была улыбка. Ен запомнил её навсегда.

Глава 4. Услышанное в тени.

Ночь в овраге была тихой, но не спокойной.

Костёр догорел до углей, которые ещё дышали жаром, но уже не давали света. Тени от деревьев ложились на землю длинными, искривлёнными пальцами, и ветер, пробираясь сквозь кустарник, шептал что-то на языке, которого Ен не понимал, но который чувствовал каждой клеткой тела. Он сидел у самого края лагеря, прислонившись спиной к гладкому валуну, и смотрел на Теру. Она спала, укрытая его плащом, и её дыхание было ровным и глубоким — впервые за весь день она казалась не врагом, не жрицей, не загадкой, а просто уставшей девушкой, которую загнали в угол.

Ен не спал. Он пытался, но мысли крутились в голове как белки в колесе, и каждая из них была о ней. О её голосе, когда она сказала: «Ты — первый, кто попытался поговорить». О её глазах, в которых на мгновение промелькнула искра доверия. О прикосновении их пальцев — том коротком, почти случайном касании, которое до сих пор отдавалось у него под кожей теплом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.